ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАЭ: ЭТНОГРАФИЯ

С. Амосова, С. Николаева

ОПЫТ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ В ИЗРАИЛЕ С ВЫХОДЦАМИ ИЗ БЫВШИХ ЕВРЕЙСКИХ МЕСТЕЧЕК

Основная задача статьи — по «горячим следам» рассказать о нашей экспедиции в Израиль в октябре 2015 г. и особенностях полевой работы там. Собственно, можно рассматривать этот текст как первый отчет о такого рода полевой работе[1].

Наша поездка в Израиль — часть обширной в последние годы полевой работы Центра славяно-иудаики Института славяноведения РАН, Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», музея «Евреи Латвии»[2]. Следует сказать, что эта поездка — своего рода

---

[1] Экспедиция была поддержана грантом РНФ 15-18-00143, настоящая публикация также подготовлена в рамках этого проекта.

[2] С 2004 г. центром «Сэфер» был организован ряд полевых школ-экспедиций по еврейской этнографии для студентов, аспирантов и молодых исследователей в Белоруссии, Латвии, Молдавии, России, Украине. Результатом этой работы стали отдельные сборники (Штетл, XXI век: полевые исследования / Сост. В.А. Дымшиц, А.Л. Львов, А.В. Соколова. СПб., 2008; Желудок: память о еврейском местечке / Отв. ред. И.В. Копченова. М., 2013; Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 гг. / Отв. ред. С.Н. Амосова. М., 2013; Евреи на карте Литвы: Биржай. Проблемы сохранения еврейского наследия и исторической памяти. / Отв. ред. И.А. Копченова. М., 2015) и целый ряд статей в различных изданиях (Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2010; Мудрость — праведность — святость в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2011.; «Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2012 и др.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-300-2/
© МАЭ РАН

продолжение предыдущих экспедиций. Во многих бывших еврейских местечках основными информантами и рассказчиками о еврейской жизни являются прежние иноэтничные соседи евреев (русские, украинцы, латыши, литовцы), в некоторых местах сохраняются более или менее крупные еврейские общины (как, например, в украинских Тульчине, Балте, Могилеве-Подольском, в Риге и Даугавпилсе в Латвии и т.п.), однако всякий раз мы сталкиваемся с тем, что значительная часть евреев (или почти все) уехали из этих мест в более крупные города или эмигрировали в Израиль. Поэтому полевая работа в Израиле предоставляет исследователю довольно широкие возможности.

Исследование эмигрантского фольклора в Израиле — тема, которая напрашивается сама собой. И примеров такого рода, от исследований в рамках частных поездок до крупных проектов по сбору фольклорных текстов и материалов, связанных с устной историей (например, «Israel Folktale Archives» (IFA)[1] и «Oral History Division» в Еврейском университете в Иерусалиме)[2], немало. Об исследованиях, посвященных иммигрантам из бывшего СССР в Израиле, смотрите также соответствующий раздел в монографии М. Еленевской и Л. Фиалковой «Русская улица в еврейской стране». Вообще эта работа, по формулировке авторов, посвящена «изучению личных рассказов выходцев из бывшего СССР в Израиле об эмиграции и обустройстве в новом обществе» [Еленевская, Фиалкова 2005 (1): 10].

Итак, полевое исследование в Израиле предоставляет любопытные возможности в следующих отношениях. Во-первых, здесь мы сталкиваемся с выходцами из *разных мест* — как из крупных городов, так и из маленьких поселков, расположенных на территории бывших республик СССР. И в этом смысле мы оказываемся в уникальной ситуации, позволяющей наблюдать в одном месте и в одно время *разные локальные традиции*, рефлексию информантов по этому поводу и взаимодействие отдельных локальных традиций между собой, с одной стороны, и с традицией принимающей стороны — с другой.

Во-вторых, у нас есть возможность говорить с людьми старшего поколения (в среднем старше, чем те информанты, с которыми мы обычно работаем на территории бывшего СССР). Таким образом, мы можем расширить свои знания о еврейской жизни на территории бывшего СССР и в географическом, и в хронологическом отношении.

---

[1] См. сайт IFA www.folklore.org.il/asai.html (дата обращения: 14.12.2015 г.).

[2] См. сайт отделения www.hum.huji.ac.il/english/units.php?cat=4246 (дата обращения: 14.12.2015 г.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-300-2/
© МАЭ РАН

Нередко среди наших информантов оказываются те, кто переехал из городов и поселков, где еврейская жизнь давно угасла (мы разговаривали, например, с бывшими жителями Шаргорода (Украина), где побывали в 2005 г. и где евреев осталось не более десяти человек). И в этом смысле работа в Израиле дает возможность дополнить ту картину, которая описывается как «представления о евреях», «евреи глазами иноэтничных соседей», сведениями от самих евреев — бывших жителей этих мест.

Следует сказать, что с самого начала мы стремились сосредоточиться на работе с информантами из небольших городов и поселков. Наиболее интересны нам были интервью с жителями бывшей западной части СССР — Украины, Молдавии, Латвии, Литвы, отчасти Белоруссии, поскольку благодаря прошлым экспедициям мы уже имеем представление о разных локальных традициях евреев на этих территориях.

Опросник, который использовался в этом исследовании, довольно стандартный. Помимо вопросов о биографии (и прежде всего о том, откуда приехал информант, откуда его семья), он содержит несколько блоков: имянаречение, исторические факты, еврейские праздники, жизненный цикл, язык, кошерная пища, синагога. Эти блоки не были обязательны для «проработки» в каждом разговоре, интервью наши — полуструктурированные, темы, которые в них затрагиваются, зависят прежде всего от компетентности информанта: если информант мало знаком с традиционной жизнью (синагога, праздники, жизненный цикл), то вопросы касались в основном персонального опыта, связанного с «еврейской жизнью» в советское время, исторических сюжетов. Отметим, что в этот блок входили не только вопросы о дореволюционной и довоенной жизни в родном городе/селе, но и вопросы о ключевых событиях советской истории, так или иначе связанной с еврейской: о государстве Израиль, личных историях эмиграции, антиеврейской кампании 1950-х годов и т.д. Такая структура опросника позволяла нам быстро переключиться на «специальные» сюжеты, обсуждение и выяснение особенностей той или иной локальной традиции, расспросы о конкретном месте (об этом см. ниже).

Всего было записано 50 интервью, средняя продолжительность интервью полтора часа. Особенности нашего «вхождения в поле» (ключевым для нас здесь стало знакомство с выходцем из бывшего СССР, который работал с пожилыми людьми в домах для престарелых) предопределили круг информантов и место, где мы в основном работали. Большая часть записанного материала — интервью с жителями двух так называемых социальных домов в городе Ход-ха Шарон, расположенном

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-300-2/
© МАЭ РАН

в Центральном округе Израиля. Эти два дома находятся на окраине города, по словам информантов, горожане называют их «русское гетто», поскольку почти все обитатели этих домов — выходцы из бывшего СССР, все они в настоящее время пенсионеры. Кроме того, интервью были записаны в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Кармиэле, Гиватаиме, Беер-Шеве, Бат-Яме, Ришон ле Ционе.

Здесь нам хотелось бы рассмотреть несколько важных особенностей собранного материала. По нашим впечатлениям, израильские информанты, которые знают идиш, в среднем говорят на нем значительно свободнее, чем те евреи, которые остались на исконных местах. Дело, видимо, в том, что, оказавшись в Израиле в сущности без языка, эти люди начинают использовать идиш как язык для общения с другими группами евреев. Этот феномен отмечен, в частности, в монографии М. Еленевской и Л. Фиалковой (см. раздел «Функциональная дифференциация языков в жизни эмигрантов» [Еленевская, Фиалкова 2005 (2): 113–142]). Они же отмечают, что «волна иммигрантов 1990-х оказалась первой мигрантской группой в Израиле, не скрывающей решимости не отказываться от языка и культуры страны исхода» [Еленевская, Фиалкова 2005 (2): 108]. Многие «русские» евреи старшего поколения иврит не осваивают вовсе или знают его лишь на начальном уровне. Каждый прибывший в Израиль иммигрант имеет право бесплатно пройти полугодовой курс иврита, а затем продолжить свое обучение в специальной школе — ульпане. Одна из наших информанток рассказывала, как ей запретили посещать ульпан, чтобы она «не попортила всех»: дело в том, что она постоянно говорила со своими однокашниками на идише (Isr_15_06_Gudkova_Khamlo[1]). Другая жаловалась на то, что на курсах занимались вместе люди, имеющие очень разный уровень, и это ей мешало, впрочем, она же высказала мнение о том, что если бы русский язык в Израиле не был настолько распространен, то волей-неволей пришлось бы выучить иврит:

Соб.: А какой язык старше — идиш или иврит?

Инф.: Какой старше? Я думаю, что иврит старше… Но… все, как тебе сказать, все, все, все идиш, вот которые приехали с Румынии, с Польши — они все на идиш говорят. А вот эти марокканцы-шмараканцы — они не знают идиш. Не знают. Они только знают иврит. А мы знаем идиш. Я тебе говорю: за двадцать лет, шо я тут, я могла, если б одно слово я учила, и я бы научилась, но это… Я считаю, что это наша

[1] Здесь и ниже в таком формате указан номер записи в полевом архиве центра «Сэфер».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-300-2/
© МАЭ РАН

оплошность, потому что когда… Если я прихожу в банк «Ани роца бе руссия» [я хочу по-русски. — Авт.] *и в поликлинику «Ани роца бе руссия», так иду — и чего ж ты мене переводишь? Если бы не было перевода, как миленькие бы научились. Потому что когда Бен-Гурион еще у нас был президент, премьер-министр, когда приезжали, он не разрешал ни на каком языке не говорить, только на иврите, чтобы научились языку, понимаешь? Я считаю, что это очень правильно. А сейчас? Вот я прихожу в банк, мы приходим: «Ани роца б'руссия»! Чтобы был переводчик, чтобы было там, говорило. Я считаю, что это очень плохо. Если бы не было бы «роца б'руссия», мы бы как миленькие бы. Ну, хоть как в том фильме, когда Кикабидзе был Мимино. Ему говорят: «Садитесь, пожалуйста». А он говорит: «Спасибо постою пешком». Я бы тоже бы глаголы так, хотя бы так говорила, понимаете. Я так понимаю, на таком, понимаю* (Isr_15_23_Maja).

В такой ситуации люди, которые прежде стеснялись говорить на идише, избегали общения на этом языке, начинают использовать идиш как один из основных языков для общения вне своей группы (о времени и условиях, при которых идиш утратил функцию языка бытового общения на территории бывших «штетлов», см., например, статью В.А. Дымшица «Идиш в бывших штетлах Подолии. По материалам полевых исследований 2004–2006 гг.» [Дымщиц 2009: 347–354].

Рассказ об этом приводят М. Еленевская и Л. Фиалкова: «Некоторые пожилые информанты рассказывают, что в поисках средства общения с израильтянами-старожилами им пришлось вспомнить идиш, которым они не пользовались с детства. "Я, буквально, 50 лет не говорил на идише, представляете? И тут они начали вспомнить, и я вспомнил", — с удивлением сказал Альберт Р. Язык, на который был наложен запрет властями и отчасти ставший табу для членов группы, неожиданно превратился в спасительное средство» [Еленевская, Фиалкова 2005 (2): 133–134].

Именно об этом говорит и наша информантка из Могилева-Подольского (Украина). Она рассказывает, что в Могилеве люди младшего поколения избегали говорить на идише, однако в Израиле идиш стал для нее языком общения с другими евреями.

Инф.: Но в общем, конечно, жили в еврейской среде хотя бы потому, что был свой язык — идиш. Вот. И все говорили на идиш. Мы не говорили, молодежь наша. Это было некрасиво говорить. Но понимать мы — понимали, чтобы секреты все узнать. И был такой еврейский городок. <…> И вот я как-то попала в бейт-авот <…> это дом пре-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-300-2/
© МАЭ РАН

старелых, да. И там были в основном нерусскоязычные, нет. Все были марокканцы там, с разных восточных, восточные народы. С Венгрии даже была женщина. И я устроилась работать с женщиной одной, я приходила к ней только гулять, хотя она тоже была в этом бейт-авоте. Она сама была с Венгрии, она знала идиш, и вот мы с ней на идиш общались там.

И вот как-то со мной разговорилась одна из марроканок, ну, из восточных стран, мы их зовем здесь марокканцы все (Isr_15_30_Bergelson).

Другая особенность рассказов наших информантов — постоянная рефлексия по поводу отличия собственной традиции, традиционного опыта и практик от израильского. Иногда с этим мы сталкиваемся и в бывших еврейских местечках на постсоветской территории, жители которых сейчас уже обучены израильской «правильной» традиции (местными активистами, работниками «Сохнута» и других подобных организаций). Однако они по большей части склонны воспринимать израильскую традицию как «правильную», а свою локальную — как искаженную. Наши израильские информанты, как кажется, этого «комплекса» не имеют, они скорее наблюдают отличия, знают о них, размышляют об их причинах, интерпретируют их, а не оценивают как «правильное» или «неправильное» поведение. Похоже, что собственная традиция в значительно меньшей степени воспринимается израильскими информантами как «искаженная». Более того, в Израиле они сталкиваются и с другими локальными ашкеназскими традициями таких же иммигрантов, как они сами (подробнее об этом см. ниже).

Соб.: А скажите, пожалуйста, еще вот были какие-то дни в году, кроме Йом-Кипура, когда фостали [постились. — Авт.]*?*

Инф.: В какие дни Вы считаете нужно?

[Соб. предполагает, что пост может быть также в праздник Тишебов]

Инф.: Это когда… Тут тоже есть такое, что, когда Стена плача осталась только, и там тоже. Но они не сутки, они — целый день не едят. Да, целый день не едят.

Соб.: Ага, а в Шаргороде это было не принято?

Инф.: Не было принято, нет. Йом-Кипур только был, я это уже вот тут узнала, что, когда эту стену поломали нашу, осталась только стена, тоже не едят, но не сутки, а целый день — с утра до вечера (Isr_15_23_Maja).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-300-2/
© МАЭ РАН

Один из наиболее показательных примеров здесь — рассказ об отличии еврейского похоронного обряда в Израиле и в каком-нибудь из бывших еврейских «местечек»:

Соб.: А похороны еврейские Вы видели? Вот в Могилеве?

Инф.: У нас хоронили как русских, в открытые гроба. Здесь я уже увидела, здесь я знаю, да, как хоронят. Маму здесь уже по-еврейски похоронили. Без гробов хоронят, несут на носилках, а потом закутывают в ткань и кладут на землю. А там всех хоронили в гробах, как всех.

Соб.: Но все-таки <…> своя была часть еврейская кладбища в Могилеве?

<…>

Инф.: Обязательно. Еврейское кладбище, русское кладбище и, мне кажется, даже было польское, потому что у нас в городе были и поляки, да. И еврейское кладбище обязательно. А как же?

Соб.: А <…> поминки после похорон были в Могилеве?

Инф.: Нет, у евреев не было вообще. И здесь не делают.

Соб.: И здесь не делают. Ну, здесь понятно, а там, там — тоже?

Инф.: И там. Я не знаю, может быть, и… Во всяком случае я здесь маме сделала. Мама умерла у меня через год после этого… Я не знала, я даже не знала, у евреев, оказывается, сидят шивӯ семь дней вот после смерти близкого, все приходят, навещают, всё это выражают соболезнования. Я об этом не знала ничего, потому что в Могилеве этого не было. И маму когда похоронила, я всех родственников позвала, накрыла стол, сделала (Isr_15_30_Bergelson).

Можно выделить несколько основных отличий в израильской и «домашней» традиции информантов, которые обычно обсуждаются в таком разговоре: 1) представление о том, что у евреев покойника «хоронят сидя»; 2) наличие/отсутствие поминок после похорон; 3) обсуждение практики приносить с собой на кладбище камушки (как это делают в Израиле) или цветы. Представление о том, что у евреев «хоронят сидя» — широко распространенный этнокультурный стереотип, несомненно, знакомый нашим информантам от прежних иноэтничных соседей (русских, украинцев, латгальцев и пр.) (см., напр.: [Алексеевский 2013: 138; Белова 2005: 194–197 и др.]). В Израиле многие неожиданно находят если не подтверждение, то хотя бы основания этого представления: покойника, завернутого в *тахрихем* (саван), укладывают в небольшую могилу без гроба, и тело расположено в ней так, что «может показаться, что он сидит» (Isr_15_30_Bergelson).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-300-2/
© МАЭ РАН

Еще одно направление, в котором происходит сопоставление собственного традиционного знания и опыта с чужим, — сравнение с другими ашкеназскими традициями. Пожалуй, наиболее заметными здесь оказываются различия в кухне. Так, многие информанты, рассказывая о блюдах еврейской кухни, обращают внимание на то, что вкус тех, которые продаются в израильских супермаркетах, отличается от привычного. Вероятно, отчасти это объясняется разницей в рецептах. Так, «слишком сладкая», по словам наших собеседников (Isr_15_45_Muchnik), фаршированная рыба (*гефилте фиш*), которая продается в магазине, по-видимому, просто приготовлена по другому ашкеназскому рецепту: известно, что польские евреи кладут сахар при приготовлении *гефилте фиш*, а украинские, наоборот, добавляют соль и острые специи.

По приведенным примерам становится понятно, как переосмысляются информантами границы «своего» и «чужого» (традиция прежних иноэтничных соседей иногда воспринимается как более знакомая, чем израильская, например) и как переезд для многих оказывается опытом, деавтоматизирующим восприятие собственной традиции.

Библиография

Алексеевский М.Д. Представления о еврейских похоронно-поминальных традициях в рассказах жителей Латгалии // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 годов. М., 2013. С. 132–176.

Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.

Дымшиц В.А. Идиш в бывших штетлах Подолии (по материалам полевых исследований 2004–2006 гг.) // Идиш: язык и культура в Советском Союзе. М., 2009. С. 347–356.

Еленевская М.Н., Фиалкова Л.Л. Русская улица в еврейской стране. Исследование фольклора эмигрантов 1990-х в Израиле: В 2 ч. М., 2005.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-300-2/
© МАЭ РАН